

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1922 Г.

© 2011 В.В. Якименко

Самарский государственный экономический университет

E-mail: lvls@mail.ru

Статья представляет собой историко-правовой анализ нормативных актов и материалов судебной практики, регулирующих вопросы защиты права частной собственности в годы новой экономической политики.

Ключевые слова: право частной собственности, судебная защита, добросовестный и недобросовестный приобретатель, виндикация, новая экономическая политика, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.

Право собственности представляет собой самую главную ценность среди прочих гражданских прав, предусмотренных как в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., так и в современном гражданском законодательстве. Поистине, право это абсолютное по своей защите против всяких посягательств, так как защищается во все времена.

Впервые в Советской республике заговорили о защите частных имущественных правах весной 1922 г., когда страна взяла курс на новую экономическую политику. Декрет ВЦИК РСФСР от 22 мая 1922 г. "Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР"¹ на законодательном уровне закрепил основные принципы судебной защиты частных имущественных прав, между прочим, как граждан РСФСР, так и иностранных граждан (примечание 2 к разд. III).

Так, на страницах Еженедельника советской юстиции еще в апреле 1922 г. звучали призывы к народным судам, народному комиссариату юстиции очень внимательно относиться к разрешению споров по искам бывших собственников, так как они могут поколебать основное завоевание революции². К примерам таких дел указывались иски, основанием которых являлись документы дореволюционной России, закреплявшие права собственности как на предметы быта, так и на недвижимое имущество, предприятия и т.д. Высказывались мнения о том, что при столкновении бывшего собственника (а это, как правило, бывшие помещики и т.д.) с владельцем, приобретшим право на вещь в ходе революции, в споре о собственности предпочтение должно быть отдано тому, кто ее использует в хозяйстве, т.е. трудящемуся.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (далее - Кодекс), принятый в ноябре 1922 г., выделил среди форм права собственности частную собственность. Известно, что регулирование частных имущественных отношений было регламентировано определенными законодательными рамками и зачастую политическими взглядами, преобладавшими над законодательной инициативой. Тем не менее, существовавшее право частной собственности еще в большей степени, чем сейчас, нуждалось в защите от различных форм нарушений этого права. Тем более, что в законотворчестве Советской власти 20-х гг. XX в. достаточно сильно прослеживается различие в подходах защиты прав частной и иной собственности - государственной и кооперативной.

В соответствии со ст. 59 Кодекса собственник вправе отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения и требовать от добросовестного владельца возвращения или возмещения всех доходов, которые он извлек и должен был извлечь за все время владения; от добросовестного же владельца - всех доходов, которые он извлек или должен был извлечь со времени, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности владения или получил повестку по иску собственника о возврате имущества. Владелец, в свою очередь, вправе требовать от собственника возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество с того времени, с какого собственнику причитаются доходы с имущества. Собственник вправе требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы они и не были соединены с лишением владения³.

Фактически текст данной нормы был положен в основу Гражданского кодекса РСФСР (1964), а также воспроизведен в части первой

современного Гражданского кодекса Российской Федерации (1994), предусматривающей право собственника истребовать свое имущество из чужого незаконного владения (ст. 301 Гражданского кодекса РФ 1994 г.) и требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения (ст. 304 Гражданского кодекса РФ 1994 г.)⁴.

Однако буквальное воспроизведение данной нормы в главных гражданских законах в разное время находило различное применение и толкование.

Защита права собственности по смыслу ст. 59 Кодекса выражается в двух главных формах в соответствии с двумя основными способами нарушения права собственности.

Первый способ нарушения права собственности заключается в том, что какое-то постороннее лицо удерживает у себя вещь данного собственника не имея на нее никакого права. Данный способ характеризуется фактическим разделением собственности и владения вещью - лицо, являющееся собственником вещи, не имеет фактического владения вещью, а владелец вещи не имеет на нее фактически права собственности. В этом случае для защиты своего права собственнику в судебном порядке предоставляется право "отыскивать", по выражению ст. 59 Кодекса⁵, свое имущество из чужого незаконного владения, причем на нем лежит тяжесть доказательства своего права собственности на данный предмет. Такое обращение в судебные органы имеет форму виндикационного иска.

Другой способ нарушения права собственности, защиту от которого предусматривает диспозиция ст. 59 Кодекса, заключается в том, что вещь не изымается из владения собственника, но право собственности подвергается нарушению и посягательствам со стороны третьих лиц, например, использующих вещь без ведома ее собственника. В этих случаях собственнику приходится требовать возврата ему владения вещью, так как вещь находится в его владении и он вправе требовать прекращения любого рода незаконных действий по смыслу ст. 59 Кодекса⁶ устранения всяких нарушений его права, хотя бы они и не были соединены с лишением владения.

Собственник имеет право истребовать свою вещь от любого незаконного владельца. При этом незаконным закон признает владение, не имеющее под собой законного основания. Ответчиком

по виндикационному иску может быть любое третье лицо, во владении которого незаконно находится истребуемая вещь. Но не всякое третье лицо, из владения которого собственник требует свою вещь, отвечает перед ним одинаково.

Статья 59 Кодекса делит незаконных владельцев на две группы: добросовестных и недобросовестных. Нельзя не согласиться с мнением И.Б. Новицкого, что в основе этой классификации лежит признак: сопровождается ли объективная неправота владельца также и субъективным сознанием того, что данная вещь чужая или же владелец с достаточным по внешности основанием полагает, что вещь по закону должна быть именно его собственности⁷. Очевидное дополнение этого признака изложено в ст. 60 Кодекса и, на наш взгляд, объективно отражено в норме современного Гражданского кодекса, указавшей на признак добросовестности приобретателя, который не знал или не мог знать о том, что отчуждаемая вещь не принадлежит лицу, которое ее отчуждает, и наоборот (ст. 302 Гражданского кодекса РФ)⁸.

К недобросовестному владельцу Кодекс относится весьма сурово. Такой владелец чужой вещи должен не только вернуть ее собственнику, не только вернуть (или возместить) все доходы, извлеченные от данной вещи за все время владения ею, но и возместить все доходы, которые владелец должен был за все это время извлечь, хотя в действительности он мог и не извлекать. В этом случае закон предписывает суду исходить из расчета, что принесла бы вещь за данный период времени, если бы она была во владении действительного собственника, и, пользуясь этой нормой, определить размеры ответственности данного недобросовестного владельца⁹.

Положение добросовестного владельца, когда собственник предъявляет к нему требование о возврате вещи, гораздо более льготное. До того момента, когда он узнал о неправомерности своего владения или получил повестку суда по иску собственника о возврате вещи, все доходы от вещи остаются за ним и никаких возмещений собственнику за все это время он платить не обязан. Однако с того времени, когда лицу стало известно, что вещь чужая или, по крайней мере, спорная, основания для льготного отношения к нему отпадают и он в дальнейшем отвечает так же, как и недобросовестный владелец, а именно должен вернуть (или возместить) все доходы, которые извлек и должен был извлечь из вещи со

времени получения повестки или после того, как узнал о неправомерности своего владения.

Анализируемая норма Кодекса не регламентирует вопроса об ответственности добросовестного и недобросовестного владельца за убытки, какие могут возникнуть для собственника вследствие ухудшения или гибели вещи за тот период времени, пока она находилась во владении ответчика. Следует признать, что добросовестный владелец в подобного рода случаях нести ответственности не должен, если тот факт порчи или гибели вещи произошел до того момента, когда владелец узнал о незаконности своего владения или получил повестку из суда по виндикационному иску. Недобросовестный владелец, напротив, несет ответственность безусловно, подобно тому, как он обязан возмещать доходы от вещи, в действительности даже не полученные им.

Владелец, отвечающий перед собственником по виндикационному иску, также вправе со своей стороны заявить встречные к нему претензии. За ним, являющимся как добросовестным, так и недобросовестным владельцем, признается право на возмещение произведенных им необходимых затрат на вещь за то время, за которое доходы от вещи причитаются собственнику. Однако Кодекс не поясняет, что понимать под необходимыми затратами. Из данной нормы можно сделать вывод, что под ними понимаются затраты, которые произведены в целях сохранения самой вещи, затраты, которые необходимы, но без которых вещь бы не погибла, и затраты, вызванные желанием лица по содержанию вещи. Этот вывод обусловлен толкованием ст. 59 Кодекса, которая в прямом смысле закрепляет обязанность возместить только необходимые затраты¹⁰.

Закон также не указывает, имеет ли незаконный владелец право задержать возвращение требуемой вещи до тех пор, пока не будут возмещены ему затраты на вещь (право на удержание). В то же время в иностранных законодательствах XX в. такое право было закреплено, в частности в германском гражданском уложении, владелец мог отказать в выдаче вещи, пока не получит удовлетворения за издержки, подлежащие возмещению, и право не предоставляется ему, если он добыл вещь в результате умышленно совершенного незаконного действия (§ 1000)¹¹.

В ряде случаев собственник вообще не вправе истребовать свою вещь от добросовестного владельца. К таким исключениям Кодекс, в част-

ности, относит следующие случаи: когда бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г., не имеют права требовать возвращения этого имущества (примечание 1 к ст. 59 Кодекса)¹². Этим закрепляется перераспределение имущества, произведенное в первые годы революции, и лица (в основном трудящиеся), получившие в свое владение имущество без формального юридического к тому основания, освобождаются от ответственности перед бывшими собственниками.

Аналогичная мысль лежит и в основании примечания 2 к ст. 59 Кодекса, которое во взаимосвязи с примечанием 1 указывает, что, если имущество перешло в руки лиц, живущих на нетрудовые доходы, истребование его со стороны бывших собственников вообще допустимо, но практически это может ничего не дать вследствие истечения срока исковой давности (3 года)¹³.

Особенностью нормы, предусмотренной примечанием 1 ст. 59 Кодекса, является тот факт, что имущество, экспропрированное от частного собственника и не подлежащее возврату собственнику, не остается во всяком случае у фактического его владельца. Если судом будет установлено, что владение является незаконным, имущество может быть изъято в пользу государства (кассационное решение Верховного суда РСФСР по делу № 208 1923 г.)¹⁴. Закон также не разрешает вопрос о том, ограничивается ли указанное положение только защитой владельца имущества против иска собственника или же владелец имущества объявляется в этих случаях новым собственником.

Специальные постановления о праве кооперативных объединений граждан истребовать принадлежавшее им имущество, упоминаемое в примечании 3 к ст. 59 Кодекса, перечисляются в третьем приложении к Кодексу, а именно:

1) Декрет Совета народных комиссаров от 26 октября 1921 г. о порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций¹⁵;

2) Постановление Высшего совета народного хозяйства от 17 мая 1922 г. о введении в действие инструкции о порядке возврата потребительской кооперации принадлежащих ей предприятий и промыслов¹⁶;

3) Декрет Совета народных комиссаров от 23 августа 1922 г. о признании вышеуказанной инструкции, обязательной для всех народных комиссариатов и государственных органов¹⁷;

4) постановление Совета народных комиссаров от 17 октября 1922 г. о возврате потребительским кооперативным организациям национализированных и муниципализированных строений¹⁸.

К перечисленным выше актам также можно отнести постановление Совета народных комиссаров от 22 июля 1924 г. о возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации¹⁹.

Особые нормы ст. 60 Кодекса были посвящены механизмам защиты прав добросовестного приобретателя. Согласно данной норме, от лица, которое добросовестно приобрело имущество не непосредственно у собственника, последний вправе истребовать имущество (ст. 59) лишь в том случае, если оно им (собственником) утеряно или похищено у него. Государственные учреждения и предприятия могут истребовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, незаконно отчужденное каким бы то ни было способом. При этом в примечании к статье дано определение добросовестного приобретателя - приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от коего он приобрел вещь, не имело права отчуждать ее.

Обусловленность института защиты прав собственности добросовестного приобретателя была продиктована необходимостью вмешательства государства в процесс хозяйственного оборота, связанного с отчуждением и приобретением прав на вещи, чей оборот страдает какими бы то ни было пороками. Отсутствие такого положения, безусловно, могло бы привести к опасениям сторон на заключение сделок, так как любая сделка могла быть поставлена под сомнение ввиду того, что отчуждатель вещи мог оказаться неправомочным. Вообще, коллизия интересов собственника и добросовестного приобретателя разрешается в Гражданском кодексе РСФСР различно, в зависимости от двух признаков, принимаемых во внимание: 1) личность собственника (частное лицо или государственное учреждение либо предприятие) и 2) способ выхода имущества из владения собственника.

Остановимся лишь на первом признаке, ставящем в особое положение защиту прав добро-

совестного приобретателя в отношениях с государственными учреждениями и предприятиями. В закреплённой норме (ст. 60 Кодекса) четко прослеживается ограничение на предъявление виндикационного иска на частных лиц (физических и юридических), а также на кооперативную собственность²⁰. Однако последняя форма собственности с развитием кооперативного движения в 1920-х гг. постепенно стала быть приближенной к государственной. Так, С. Раевичем была выражена мысль о необходимости распространительного толкования ст. 60 Кодекса в смысле предоставления кооперативному собственнику таких же прав на истребование своего имущества от добросовестного приобретателя, какие предоставлены данной статьей государственному собственнику. Это мнение также подтверждалось судебной практикой, которая исходила из необходимости содействия развитию кооперации, признаваемой важной задачей в построении государственности²¹. Например, С. Раевич отмечал, что является совершенно неправильной точка зрения, будто бы путем распространительного толкования можно вложить в содержание закона смысл, которого в нем нет, сказать то, чего законодатель сказать не хотел, а сам принцип "распространительного толкования" не следует понимать слишком распространительно в том смысле, что полагают возможным предоставить суду право в полном соответствии со ст. 5 вводного закона к Гражданскому кодексу распространить права, преимущества, а также и обязанности, установленные законом для одних категорий лиц на другие, "если при этом суд найдет это целесообразным с точки зрения интересов государства и трудящихся масс".

В то же время другой автор, В. Тадевосян, совершенно очевидно считал, что если бы законодатель имел в виду распространить на кооперативную собственность льготы, которые предоставлены государственной собственности по ст. 60 Кодекса, то он об этом прямо бы сказал в самом законе. Такое "нераспространительное толкование" нашло свое отражение в определении гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 24 января 1925 г. по делу № 33724²². В данном определении гражданская кассационная коллегия указывает, что совершенно неосновательно применена губернским судом ст. 60 Гражданского кодекса РСФСР во второй ее части - путем распространения преимуществ,

предоставляемых Гражданским кодексом государственной собственности на собственность кооперативную. Всякое толкование, в особенности распространительное, допускается тогда, когда нет соответствующего законодательства. В данном случае этого нет. Уничтожить ст. 52 Гражданского кодекса РСФСР, уничтожить грань между государственным и кооперативным имуществом, приравнять последнее к первому может только законодатель, если это окажется нужным, а не суд.

Обращаясь к другому исключению из общего правила ст. 60 Кодекса о недопустимости истребования собственником своего имущества от добросовестного приобретателя, необходимо иметь в виду, что и по этому вопросу в судебной практике не было единого применения. Благодаря "распространительному толкованию" судебная практика допускала различные решения, пренебрегая четким определением наступления ответственности добросовестного приобретателя лишь в том случае, когда имущество было собственником утеряно или похищено. Суды, как правило, понятия "похищено" и "утеряно" истолковывали в том широком смысле, как это употреблялось в разговорной речи. Так, имущество истца, вверенное им своему поверенному с какой-либо целью, растрчивалось последним путем отчуждения добросовестному приобретателю. Суд удовлетворял иск о возврате ответчиком имущества на том основании, что имущество было похищено у истца путем растраты его поверенным лицом. Однако такое применение ст. 60 Кодекса не соответствовало ее смыслу.

Практика Верховного суда РСФСР также была не совсем однозначной. В своем определении от 15 января 1925 г. по делу № 33711, по которому истец (частное лицо) просил суд об истребовании у госоргана, добросовестного приобретателя, парусной лодки, оставленной им на хранение в 1920 г. у третьих лиц, в иске было отказано. При этом гражданская кассационная коллегия нашла возможным применить к данному делу ст. 60 Кодекса и истребовать лодку у добросовестного приобретателя, так как по делу была установлена потеря лодки истцом, который был вынужден передать лодку первому встречному неизвестному ему лицу.

Однако в другом определении Верховного суда РСФСР по делу № 33724-25 гражданская кассационная коллегия посчитала неправильным

применением губернским судом ст. 60 Кодекса. Отдавая предпочтение праву первоначального собственника имущества перед правом добросовестного приобретателя на незаконно отчужденное от собственника имущество, Гражданский кодекс не идет так далеко в охране права собственности, как это сделал губернский суд. Верховный суд отметил, что при таком широком толковании ст. 60 Кодекса уничтожается действие предусмотренных статьей ограничительных условий для отыскивания собственником имущества у добросовестного приобретателя, и под ст. 60 Кодекса можно было бы подвести не только те случаи, когда имущество или похищено, или утеряно, но и все те случаи, когда собственник лишился своего имущества путем какого-либо преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, однако такого абсолютного права собственности перед правом добросовестного приобретателя Гражданский кодекс не знает.

Что же касается коллизии права частной собственности и интересов добросовестного приобретателя вещи, то ст. 60 Кодекса разрешает ее сходно с другими кодификациями.

Добросовестность приобретения определялась так же, как и добросовестность владения, предусмотренная в ст. 59 Кодекса. Если приобретатель вещи не поинтересовался, на каком основании продавец вещи обладает правом на ее отчуждение, тогда как при совершении сделки можно было легко обнаружить, что вещь ему не принадлежит, уже не может считаться добросовестным приобретателем. И уж тем более, добросовестным не может быть приобретатель, если в его действиях есть состав уголовного преступления.

Относительно урегулирования вопроса о порядке разрешения споров о праве собственности третьих лиц на имущество, на которое наложен арест в обеспечение гражданского иска по уголовному процессу или будущей конфискации, следует обратиться к циркуляру Верховного суда РСФСР от 1 августа 1924 г.²³ Согласно данному обзору, третье лицо, заявившее судебному исполнителю о своих правах на конфискуемое имущество в случае, если его заявление судебным исполнителем не принято во внимание, со своею жалобой или со своим заявлением может обратиться лишь в надлежащий уголовный суд, который данные вопросы разрешит окончательно. Этот же порядок применялся к

обеспечению будущей конфискации, причем жалобы, поступающие в уголовный суд, рассматривались в любом заседании с одним исключением о праве суда признать право подсудимого на описанное имущество спорным и передать вопрос на рассмотрение в гражданский суд в исковом порядке.

Конечно, такие ограничения в защите прав собственника от добросовестного приобретателя идут вразрез с законодательствами многих капиталистических стран того времени²⁴. При рассмотрении исков бывших собственников к государственным учреждениям и предприятиям за рубежом не расставлялись какие бы то ни было приоритеты ни к государству, ни к частному лицу. Этот способ защиты был абсолютен и не зависел от множества факторов приобретения права собственности и носителя этого права.

В советской правовой науке, наоборот, долгое время существовала господствующая доктрина, согласно которой защита частного лица от натиска государственных реквизиций и конфискации не была абсолютной. Социалистическую законность и хозяйственную целесообразность законодатель ставил выше формальных прав собственности. Бывшие собственники, ссылавшиеся в своих исках о возвращении экспроприированного имущества, указывали на нарушения закона органами, производившими экспроприацию. Однако такие претензии и иски вовсе не основывались на каком-то “законном праве”. Государство не восстанавливало старое право частной собственности, а допускало лишь ее новые формы, приемлемые и неизбежные. Таким образом, возвращение имущества частным лицам было не обязанностью государства, а его правом.

Нормы защиты прав собственности своего развития в 30-е и последующие годы XX в. не получили. В книге “Гражданское право и прак-

тика его применения” П.И. Стучка еще в 1929 г. верно указывал, что глава ГК РСФСР о вещном праве особого развития вообще не должна получить, так как при регулировании все увеличивающегося государственного сектора “буржуазное право” отпадает²⁵.

¹ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

² Ежедельник советской юстиции. 1922. № 13.

³ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁶ Там же.

⁷ Новицкий И.Б. Гражданский кодекс РСФСР. Право собственности (комментарий к ст.ст. 52-65 ГК). М., 1925. С. 42.

⁸ Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

¹⁰ Там же.

¹¹ URL: <http://www.uristik.info/htm/library/gp.htm>.

¹² СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

¹³ Там же.

¹⁴ Ежедельник советской юстиции. 1923. № 12. Ст. 279.

¹⁵ Там же. № 72. Ст. 576.

¹⁶ Там же. 1922. № 39. Ст. 446.

¹⁷ Там же. № 56. Ст. 699.

¹⁸ Там же. 1922. № 65. Ст. 847.

¹⁹ Известия ЦИК. 1924. 10 сент. (№ 206).

²⁰ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

²¹ Ежедельник советской юстиции. 1927. № 45. С. 1402.

²² Сборник определений. 1925. Вып. I, № 11.

²³ Ежедельник советской юстиции. 1924. № 33. С. 789.

²⁴ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т.1. Гражданский кодекс. М., 1924. С. 115.

²⁵ Стучка П.И. Гражданское право и практика его применения. М., 1929. С. 15.

Поступила в редакцию 04.04.2011 г.